

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

К.В. Харлампович

К вопросу о начале христианства в Херсонесе Таврическом

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1908. № 3. С. 479-494.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Къ вопросу о началѣ христіанства въ Херсонѣ Таврическомъ.

Д-р Ів. Франко. Святій Климент у Корсуни. Гл. VIII. Легенди про корсунських мучеників (Записки Наукового товариства імени Шевченка, 1903, кн. VI и отдѣльно—у Львові, 1906). *В. В. Латышевъ,* Житія св. епископовъ херсонскихъ. Изслѣдованія и тексты. Спб., 1906 (Записки Императорской академіи наукъ. По историко-филологическому отдѣленію. Т. VIII, № 3). *С. П. Шестаковъ,* О началѣ христіанства въ Херсонѣ (Кіевъ, 1907).

ВЪ ПОСЛѢДНІЯ пять лѣтъ замѣчательно посчастливилось вопросу о начальныхъ моментахъ исторіи христіанской церкви на Таврическомъ полуостровѣ. Моменты эти обычно связываются съ именами ап. Андрея, св. Климента, епископа римскаго, и семи херсонскихъ мучениковъ первой половины IV в. Легендарность проповѣди перваго въ южной части Россіи теперь не подлежитъ уже сомнѣнію ¹⁾. Сильно также заподозрѣна достовѣрность легенды о ссылкѣ и жизни въ Корсуни св. Климента. Вотъ

¹⁾ С. В. Петровскій въ своемъ изслѣдованіи: „Сказанія объ апостольской проповѣди по сѣверо-восточному Черноморскому побережью“ (Записки Импер. Одесскаго Общества исторіи и древностей, т. XX и XXI, 1897 и 1898 гг.) выясняетъ апокрифическій характеръ древнѣйшихъ преданій (I—II вв.) объ апостольской проповѣди въ Черноморьѣ, которыя являются источникомъ свѣдѣній по этому вопросу. Церковное преданіе о проповѣди апостола Андрея въ Скиѣи не ранѣе III вѣка. О пребываніи ап. Андрея въ Херсонѣ впервые упоминается въ позднѣйшихъ, очищенныхъ и переработанныхъ, редакціяхъ сказанія—у Епифанія (VIII—IX вв.). Впрочемъ, самъ авторъ признаетъ достовѣрнымъ фактъ апостольской проповѣди по кавказскому и таврическому берегамъ Чернаго моря.

что говорить въ своемъ изслѣдованіи по этому вопросу г. Франко. „Въ I в. по Р. Хр. Корсунъ принадлежала къ босфорскому царству, которое, хотя и состояло подъ верховенствомъ Рима, но не было римской провинціей, да и во II в., когда это царство прекратило уже существованіе, Корсунъ все подъ тою же верховной властью Рима доби- лась значительной автономіи, такъ что власть Рима была здѣсь только номинальной. Относительно того, чтобы Кор- сунъ когда-нибудь была мѣстомъ ссылки для римскихъ преступниковъ, чтобы здѣсь были мраморныя каменоломни, въ которыхъ трудились бы такіе преступники,—въ истори- ческихъ источникахъ нѣтъ никакихъ указаній. Значитъ, все то, что сказано у арх. Макарія ¹⁾ да Толстого и Кондакова ²⁾ про насажденіе Климентомъ и его учениками христіанства въ Корсунѣ, нужно признать легендой, а не историческимъ фактомъ. И это тѣмъ больше, что на протяженіи послѣдую- щихъ 200 лѣтъ отъ христіанства, такъ прочно будто бы насажденнаго Климентомъ въ Корсунѣ (72 церкви!), не ви- димъ ни слѣда, а около 300 года корсуняне, какъ видно изъ другихъ легендъ (о корсунскихъ мученикахъ) являются всѣ ревностными язычниками“ ³⁾. Хотя не со всѣми выводами Ив. Франка можно согласиться (такъ, оказывается, что не- зависимость отъ Римской имперіи Херсона, какъ и Бос- фора, въ теченіе I—II вв. не была постоянной, почему, говорятъ, нѣтъ основаній сомнѣваться и въ фактѣ ссылки въ Херсонъ св. Климента ⁴⁾),—однако миссіонерская дѣятель- ность Климента въ Крыму и въ глазахъ противниковъ га- лицкаго ученаго представляется болѣе чѣмъ сомнительной, особенно въ виду того, что „надгробныя и другія христіан- скія надписи, находимыя на почвѣ г. Херсона, по автори- тетному мнѣнію специалистовъ, не восходятъ ко времени

¹⁾ Разумѣется его Исторія христіанства въ Россіи до равноапостоль- наго князя Владиміра.

²⁾ Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, Русскія древности въ памятни- кахъ искусства, вып. IV, Спб. 1891.

³⁾ Записки товариства імени Шевченка, 1903, кн. VI, 147.

⁴⁾ Ю. А. Кулаковскій, Прошлое Тавриды (Кіевъ, 1906), 34. 35. 45—47. С. П. Шестаковъ, О началѣ христіанства въ Херсонѣ (Кіевъ, 1907), 4 и прим. 1 на 5 стр. Г. Шестаковъ, полемизируя съ г. Франкомъ, отмѣ- чаетъ (стр. 4), что въ Херсонѣ издавна существовалъ культъ св. Кли- мента, о чемъ сохранилось свидѣтельство писателя начала VI в. Феодосія (Православный Палестинскій Сборникъ, т. X, вып. 1 (Спб. 1891), стр. 5).

ранѣ IV'—V' вѣковъ“ и что каменные и металлическіе на-
тѣльные кресты, обнаруживаемые въ семейныхъ языческихъ
склепахъ, приспособляемыхъ съ теченіемъ времени подъ
христіанскія могилы, появляются только съ IV' вѣка ¹⁾.

Тѣмъ съ большимъ упорствомъ защищается послѣдній,
такъ сказать, оплотъ прежней, доисторической исторіи хри-
стіанства въ Крыму,—сказанія, связанные съ именами хер-
сонскихъ епископовъ-мучениковъ начала IV' ст. На нихъ
сосредоточивается и особенный интересъ новѣйшей литера-
туры по вопросу о христіанствѣ въ Крыму. Послѣ появле-
нія въ Брюсселѣ въ 1902 г. новаго изданія Болландистовъ,
содержащаго неизданные до той поры тексты сказаній по
рукописямъ XI—XII вв. ²⁾, мы имѣемъ нѣсколько работъ,
посвященныхъ обследованію этихъ и другихъ текстовъ ска-
заній. Такова названная въ заголовкѣ нашей замѣтки VIII-ая
глава монографіи г. Франка (1903), изданіе В. В. Латышева
(1906) и работа проф. Шестакова (1907). Вопросу о началѣ
христіанства въ Херсонѣ посвящена и статья академика
Е. Е. Голубинскаго: „Херсонскіе священномученики, память
которыхъ 7 марта“ (Извѣстія отдѣленія русскаго языка и
словесности Импер. академіи наукъ, XII, I (1907). 263—
272). Не говоримъ уже о работахъ, затрогивающихъ этотъ
вопросъ мимоходомъ, каковы: Д. В. Айналова: „Памятники
христіанскаго Херсонеса, вып. I“ (М. 1905), Ю. А. Кула-
ковскаго: „Прошлое Тавриды“ (Кіевъ, 1907), стр. 49 — 50,
Евг. Э. Иванова: „Херсонедъ таврической и его истори-
ческая судьба“ (Вѣстникъ Европы, 1907, сент., 104—108).

Чтобы понять тотъ научный интересъ, какой возбуж-
даютъ сказанія о херсонскихъ мученикахъ, достаточно ска-
зать, что если ихъ отвергнуть, то первымъ вполнѣ истори-
ческимъ фактомъ исторіи христіанской церкви въ Херсонѣ
у насъ будетъ присутствіе на II вселенскомъ соборѣ (381 г.)

¹⁾ С. П. Шестаковъ, о. с., 1—2. Ср. Гарнакъ: „Южно-русскія эпита-
фическія находки, насколько мнѣ извѣстно, не дали еще ничего хри-
стіанскаго, что можетъ быть съ увѣренностью относимо къ первымъ
тремъ вѣкамъ“ (A. Harnack, Mission und Ausbreitung des Christentums in
der ersten drei Jahrhunderten, 2-te neu durchgearbeitete Auflage, Leipzig,
1906, II Bd. S. 204,—у г. Шестакова, *ibid.*).

²⁾ Парижской Национальной бібліотеки №№ 1587 и 1617 и Сирмон-
дианской. „Propylaeum ad acta Sanctorum Novembris-Synaxarium ecclesiae
Constantinopolitanae e codice Sirmondiano nunc Berolinensi adjectis syna-
xariis selectis opera et studio Hippolyti Delehaye. Bruxellis. 1902“.

херсонскаго епископа Еѳерія; если же ихъ признать, то начало христіанства въ этомъ городѣ можно будетъ отнести къ первымъ годамъ IV ст., мало того,—можно будетъ сказать, кто, какъ и съ какимъ успѣхомъ его насаждалъ тамъ. Первое дѣлаетъ г. Франко, отрицающій за сказаніями историческое значеніе, второе—гг. Латышевъ и Шестаковъ.

Для того, чтобы читателю легче было ориентироваться въ спорѣ и понять аргументы обѣихъ сторонъ, нужно, во-1-хъ, знать, какъ древніи спорныя сказанія, а во-2-хъ, — познакомиться съ содержаніемъ послѣднихъ.

Относительно перваго вотъ выводы, къ которымъ пришелъ В. В. Латышевъ, тонко проанализировавшій многіе тексты ¹⁾ и разбившій ихъ на редакціи. По нему, древнѣйшими рукописями, содержащими пространныя житія святыхъ, подвизавшихся въ Херсонѣ, нужно признать греческую мінею XI вѣка Московской синодальной бібліотеки № 376 (по каталогу архим. Владимира) и того же вѣка Супрасльскую славянскую мінею ²⁾. Но славянскій переводъ житія въ Супрасльской мінеѣ, равно какъ переводъ, сохранившійся въ Успенскомъ спискѣ Макарьевской мінеи ³⁾, сдѣланы не съ греческаго текста № 376, а съ другого, неизвѣстнаго и, видимо, болѣе древняго. Г. Латышевъ это свое положеніе доказываетъ наличностью въ переводахъ нѣкоторыхъ топографическихъ особенностей, опущенныхъ въ текстѣ мінеи № 376 (напр. упоминаніе о Святыхъ и Мертвыхъ воротахъ).

¹⁾ Къ сожалѣнію, не всѣ извѣстные въ печати тексты были у г. Латышева подъ руками. Онъ не имѣлъ даже нѣкоторыхъ изъ тѣхъ изданій, которыми располагалъ уже въ 1903 г. г. Франкъ, какъ греческихъ, такъ и славянскихъ. Изъ славянскихъ рукописей, даже древнѣйшихъ, тоже не всѣ имъ изучены. Кажется, могъ бы быть привлеченъ къ дѣлу сербскій стихійный прологъ 1370 г. бібліотеки Московскаго единоувѣрческаго монастыря.

²⁾ Текстъ житія по рукоп. № 376 изданъ впервые и очень неисправно прот. С. Серафимовымъ въ Запискахъ Императ. Одесскаго Общ. Ист. и Древн., т. VIII (1868 г.) (отсюда онъ переведенъ г. Франкомъ на малорусскій языкъ) и теперь переизданъ, по сличеніи съ оригиналомъ, В. В. Латышевымъ (стр. 58—62). Славянскій переводъ Супрасльской мінеи изданъ г. С. Северьяновымъ въ „Памятникахъ старославянскаго языка“, т. II, вып. I (Изданіе Отдѣла Рус. яз. и слов. Имп. акад. наукъ, Спб. 1904 г.), 532—543.

³⁾ Моск. синод. библ. № 992. Текстъ перевода напечатанъ В. В. Латышевымъ (стр. 66—74) съ вариантами изъ мінеи Волоколамской (Моск. дух. акад. № 197) и Милютинской.

сравнительной простотой и безыскусственностью языка въ нихъ и нѣкоторыми другими соображеніями. Этотъ первоначальный текстъ сказанія, представлявшій по формѣ учительное слово и послужившій оригиналомъ и для редакціи, представленной манускриптомъ Московской синодальной бібліотеки, по г. Латышеву появился въ VII вѣкѣ, послѣдняя же редакція—въ IX-мъ. Вотъ его заключеніе по вопросу объ отношеніи между предполагаемымъ имъ текстомъ житія и древнѣйшими его редакціями: „текстъ А (т. е. Моск. синод. библ. № 376) представляетъ собою литературную обработку житія, составленную около середины IX в., быть можетъ по тому, еще не найденному греческому тексту, славянскіе переводы котораго сохранились въ Супрасльской, Макарьевской и др. нашихъ минеяхъ“ (18).

Къ X-му вѣку, не позднѣе, относится текстъ проложнаго житія св. Капитона, одного изъ херсонскихъ епископовъ, текстъ, составленный на основаніи искаженныхъ устныхъ легендъ и содержащійся въ рукописяхъ Сирмондіанской и Парижской національной бібліотеки № 1617 (послѣдняя написана въ 1071 г.), по которымъ онъ напечатанъ у Ипполита Деллаге въ „Propylaeum ad acta Sanctorum Novembris. Стр. 333—338, 517—518 (см. у г. Латышева, 20—22, 79—81). Житіе св. Капитона, находящееся подъ 22 дек. въ синаксарѣ имп. Василія II, составленномъ въ концѣ X или началѣ XI в., представляетъ неумѣло сдѣланное сокращеніе предыдущаго текста (18—20, 80—81). Въ томъ же синаксарѣ подъ 7 марта находятся краткія житія всѣхъ семи херсонскихъ епископовъ, представляющія нѣкоторыя отличія отъ обширныхъ житій,—отличія, заставляющія предполагать, что и ихъ авторъ руководился устными преданіями. Эта же редакція сохранилась и въ Сирмондіанской рукописи, откуда напечатана Ипп. Деллаге'емъ (517—518,—см. у Латышева: 18—20, 79). Все это—житія краткой редакціи.

Новѣе ихъ редакція, представленная въ греческихъ служебныхъ минеяхъ и въ Acta sanctorum Болланда (Martii t. I). По содержанію она пространнѣе синаксарныхъ житій, но гораздо короче житій древнѣйшихъ, отъ которыхъ отличается отсутствіемъ всякаго мѣстнаго колорита (23—24).

Какого же содержанія сказанія о херсонскихъ мученикахъ въ древнѣйшей редакціи, болѣе полной и болѣе подлинной?

Въ 16-ый годъ царствованія нечестиваго царя Діоклетіа-

на іерусалимскій епископъ Гермонъ, ревнуя о вѣрѣ Христовой, разослать въ разныя мѣста епископовъ въ качествѣ миссіонеровъ. Въ числѣ ихъ были Ефремъ, посланный „въ страны поганскія“ ¹⁾, и Василей, отправленный въ „Херсонитскій градъ тавроскиоскія страны“. Св. Василей уже первою своею проповѣдію объ Единомъ въ Троицѣ Богѣ возбуждалъ противъ себя ненависть язычниковъ и, избитый ими, уединился въ пещерѣ Дѣвической (Парфенонъ). Но случилось, что у одного старѣйшины города умеръ сынъ, который, явившись во снѣ плачущимъ родителямъ, далъ имъ понять, что онъ можетъ быть возвращенъ къ жизни молитвами того святого, съ которымъ такъ враждебно обошлись жители. Родители направились къ Василею съ просьбой оживить ихъ сына, что онъ и обѣщаль подѣ условіемъ, если они увѣруютъ въ проповѣдуемаго имъ Бога. Затѣмъ святитель съ священнослужителями, приготовивъ необходимое для крещенія, входятъ въ гробницу отрока, и, воздохнувъ, возлагаетъ на мертваго руки, возливаетъ на него священную воду съ призываніемъ св. Троицы. Мертвый оживаетъ, а вслѣдъ за тѣмъ принимаютъ крещеніе и св. тайны родители воскресшаго. Но врагъ рода человѣческаго воздвигаетъ іудеевъ, которые убѣждаютъ еллиновъ ²⁾ убить святого. Толпа идетъ къ пещерѣ и, привязавши къ ногамъ Василя веревку, влачитъ его по улицамъ и площадямъ города, пока онъ не испустилъ духъ. Вытащивъ его тѣло чрезъ Красныя ворота за городъ, язычники тамъ бросили его. Чудесно охраняемое волкомъ ночью и орломъ днемъ, оно лежало, пока христіане не похоронили его за городомъ. На мѣстѣ его кончины вѣрные ³⁾ нынѣ поставили столпъ съ крестомъ. Память его—7 марта. Между тѣмъ одинъ изъ бывшихъ съ Василеемъ отправляется въ страны Геллеспонтскія, гдѣ находитъ трехъ другихъ епископовъ, Евгенія, Агаѳодора и Елпидія, посланныхъ тогда же съ Василеемъ на дѣло проповѣди, и сообщаетъ имъ о происшедшемъ. Епископы переправляются въ Херсонъ и продолжаютъ здѣсь учить. Но когда число хри-

¹⁾ Въ Успенскомъ спискѣ Макаріевской минеи онъ названы „Тирійскими“; греческій текстъ № 376 называетъ ихъ Турціей (τοις μερσιν της Τουρκίας).

²⁾ Въ рукоп. № 376 объ іудеяхъ нѣтъ рѣчи.

³⁾ Въ рукоп. № 376—нынѣшняя община вѣрныхъ (το πλῆθος τῶν ὁρίων τῶ πιστῶν).

стіанъ стало умножаться, діаволъ опять поднялъ іудеевъ и еллиновъ, которые убили проповѣдниковъ и, вытащивъ ихъ тѣла чрезъ Мертвыя врата, бросають псамъ на восточной сторонѣ города. Христіане похоронили ихъ и память мучениковъ творять 6 декабря.

Прошло много времени, и изъ Іерусалима вновь былъ посланъ туда же епископъ Еферій. Но онъ, не доѣхавъ до Херсона, былъ занесенъ противными вѣтрами на островъ Алсось въ предѣлахъ р. Днѣпра. Разболѣвшисъ, онъ тамъ скончался, молясь Господу, чтобы ему не безъ памяти остаться въ Херсонскомъ градѣ. И у гроба его вѣрные поставили великій столпъ, издали замѣтный по выросшимъ надъ нимъ деревьямъ.

Вновь прошло не мало времени ¹⁾, минована буря гоненій на христіанъ, и римляне поставили царя Константина, чудеснымъ образомъ приведеннаго къ свѣту христіанства. Онъ издалъ указъ о преслѣдованіи тѣхъ, кто не исповѣдуетъ Отца и Сына и Святаго Духа ²⁾. Узнавъ о томъ, вѣрные херсоняне посылають къ нему пословъ съ просьбой дать имъ епископа и съ извѣщеніемъ о бывшихъ при святыхъ отцахъ чудотвореніяхъ. Обрадованный царь отправляетъ съ ними епископа Капитона, которому даетъ 500 воиновъ ³⁾. Епископъ и пришедшіе съ ними съ радостью были приняты вѣрными у городскихъ стѣнъ. Явились сюда и язычники и, примиренные епископомъ съ христіанами, вошли въ въ городъ. Но когда Капитонъ на другой день сталъ учить собравшихся христіанской вѣрѣ,—изъ толпы высказано было предложеніе, чтобы онъ доказалъ ея истинность, войдя въ одну изъ двухъ печей для обжиганія извести. Епископъ, вѣруя въ силу Іисуса Христа, принялъ предложеніе, но съ тѣмъ, чтобы язычники дали воинамъ своихъ дѣтей въ качествѣ залога искренности своего намѣренія креститься. Затѣмъ подошелъ къ горячей печи, перекрестилъ ее и себя и, при словѣ діакона „воцѣмъ“, вошелъ въ нее. Пробывъ тамъ достаточное время, набралъ въ одежду углей и вышелъ цѣлъ и невредимъ. Въ результатъ было крещеніе множества народа, тутъ же оглашеннаго, въ купели,

¹⁾ Въ греч. не много времени (Χρόνος παρῆλθεν οὐλί συχρός).

²⁾ Въ греч. этого извѣстія нѣтъ.

³⁾ Въ Успенскомъ спискѣ добавлено—на служеніе его; въ греческомъ названъ еще начальникъ воиновъ—Θεοβα.

здѣсь же устроенной изъ раскаленной извести; воспріемниками были вѣрные города. Близъ купели была воздвигнута церковь ап. Петра. О чудѣ же еп. Капитонъ донесъ царю Константину, который тогда присутствовалъ на Никейскомъ соборѣ, 318 отцовъ котораго тоже узнали о дивномъ событіи ¹⁾. По просьбѣ епископа Константинъ послалъ въ Херсонъ для постоянного жительства Θεону, старѣйшину 500 воиновъ ²⁾. Придя въ Херсонъ, онъ поселился въ восточной части города, прозванной Θεонинимъ градомъ, Θεоновкою. Это мѣстность между Малымъ торгомъ и Парвенономъ, окрестъ церкви ап. Петра.

Таково содержаніе „Житія и страстей святыхъ отецъ и епископъ Василея, Капитона (и пяти другихъ), мученыхъ въ Херсонѣ“,—житія, до послѣдняго времени дававшего матеріалъ для изложенія первоначальной исторіи христіанства въ Крыму не только нашимъ духовнымъ историкамъ, но и свѣтскимъ, несмотря на множество несообразностей въ немъ. И только г. Франко взглянулъ на него строго критически и—отвергъ всякую достовѣрность его, признавши ее легендой—безъ историческаго соотвѣтствія событіямъ. На вопросъ, гдѣ она была написана, онъ такъ отвѣчаетъ: „Нѣкоторыя выраженія, обнаруживающія хорошее знакомство автора съ мѣстными обстоятельствами и названіями, показываютъ, что онъ былъ корсунянинъ и что писалъ много позднѣе описываемыхъ событій. Онъ знаетъ, что часть города „доселѣ“ называется Θεоновкою, знаетъ поросшія деревьями островокъ, гдѣ находится гробница Эверія, говоритъ о надгробномъ памятникѣ, воздвигнутомъ „нынѣшней общиной вѣрныхъ“ на мѣстѣ мученической кончины Василея. Но помимо этого—его свѣдѣнія очень слабы и блѣдны. Діоклетіанъ является для него какимъ-то мифическимъ чудовищемъ, и хронологія того времени для него темна. Онъ не знаетъ, что, датируя весьма важный для Корсуни фактъ высылки іерусалимскимъ епископомъ Гермономъ миссіонеровъ 16-мъ годомъ Діоклетіанова царствования и преслѣдованія христіанъ, онъ сразу допускаетъ два грубыхъ анахронизма, потому что эта дата падаетъ на 300 годъ нашей эры, когда Діоклетіанъ еще терпѣлъ христіанъ; большое Діоклетіаново гоненіе началось

¹⁾ Въ греч. добавлено: и благодарили съ царемъ Бога.

²⁾ Въ греч. добавлено: упомянутого выше.

только въ 302 г. и продолжалось всего три года. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, Гермонъ вступилъ на іерусалимскій епископскій престолъ не на 16-мъ, а на 18-мъ году правленія Діоклетіана, слѣдовательно въ 302 г., одновременно со взрывомъ преслѣдованія. Что въ то время было не до разсылки миссіонеровъ въ далекія страны, при томъ изъ Іерусалима, который со временъ апостольскихъ, а особенно послѣ разгрома при Титѣ и Адрианѣ утратилъ почти всякое значеніе по сравненію съ другими очагами христіанства, какъ Александрія, Кесарія Сирійская, Кесарія Капподокійская, Ефесъ, Смирна, Антиохія,—для насъ теперь это вполне ясно, но оно не было такимъ для автора легенды. Между Діоклетіаномъ и Константиномъ для него дважды проходитъ большой промежутокъ времени,—сколько именно лѣтъ, онъ не знаетъ. Іерусалимскій епископъ посылаетъ миссіонеровъ не только въ языческій Корсунъ, но и до „предѣловъ Гелеспонтскихъ“, въ мѣстности, гдѣ христіанство и въ ту пору было гораздо сильнѣе, чѣмъ въ самомъ Іерусалимѣ“ (стр. 153). Рядъ другихъ противорѣчій между разными редакціями сказанія въ связи съ исторически несомнѣнными фактами участія херсонскихъ епископовъ на константинопольскихъ соборахъ 381 г. (Эверій) и 448 г. (Лонгинъ) привелъ д-ра Франка къ такому предположенію относительно времени и цѣли составленія легенды. „Въ ту пору, говоритъ онъ, шла борьба между корсунскими епископами и константинопольскимъ патріархатомъ; корсунскіе епископы стояли за свою независимость отъ патріархата, который старался подчинить себѣ всѣ епархіи на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Борьба закончилась въ 451 г. на соборѣ въ Халкидонѣ, каковой высказался въ пользу патріарха и уничтожилъ херсонскую автокефалію (архіеп. Макарій, Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра. Изд. 2. Спб. 1868, 52 стр.). Посему мнѣ представляется вполне естественнымъ, что наша легенда и ея разныя редакціи были отголоскомъ этой борьбы. Первоначально скомпонованная для оправданія корсунской автокефалии, легенда впоследствии была переработана въ интересахъ патріархата. Чтобы показать, что корсунская церковь съ самаго начала была независима отъ Византіи, авторъ легенды измыслилъ іерусалимскую миссію, которую будто бы еще во времена Діоклетіана нѣсколько разъ высылалъ въ Корсунъ еп. Гермонъ. Позднѣе, вѣроятно

уже послѣ 451 года, константинопольскій патріархъ присвоилъ (адоптував) эту корсунскую легенду, но произвелъ въ ней перемѣны, имѣвшія цѣлью показать, что іерусалимская миссія въ Корсунъ была бесплодна, и только при помощи Константинополя христіанство возмогло утвердиться тамъ. На бѣду эту тенденцію проводило нѣсколько редакторовъ независимо другъ отъ друга и на разные лады. Одни сдѣлали главнымъ дѣятелемъ Еверія, который хотя былъ присланъ изъ Іерусалима, но довершилъ свое дѣло при помощи грознаго эдикта и военной дружины, полученной отъ Константина 1); другіе сдѣлали главнымъ героемъ Капитона, котораго превратили даже не въ іерусалимскаго, а въ константинопольскаго миссіонера, а въ позднѣйшей редакціи легенды отдѣлили его отъ группы іерусалимскихъ миссіонеровъ цѣлымъ столѣтіемъ и память его перенесли съ 6 марта, подъ какимъ числомъ поминали всѣхъ корсунскихъ святителей, на 22 декабря“ (163—164).

Какъ смотрѣть на эти выводы д-ра Франка? Краткую и рѣшительную оцѣнку даетъ имъ В. В. Латышевъ, находящій въ работѣ г. Франка „нѣсколько крупныхъ промаховъ, почти уничтожающихъ ея значеніе“. Во-1 хъ, г. Франкъ „упустилъ изъ виду наиболѣе цѣнный и... наиболѣе древній текстъ—въ Супрасльской минеѣ“, тѣмъ болѣе важный, что по формѣ онъ „представляетъ собою вовсе не полемическій трактатъ, а учительное слово, обращенное къ монашествующей братіи“. Во-2-хъ, „г. Франкъ слишкомъ мало обратилъ вниманія на вопросъ о времени происхожденія существующихъ редакцій житій“, изъ которыхъ ни одна не можетъ восходить къ срединѣ V в. Въ-3-хъ, въ работѣ г. Франка не выяснено подробно сравнительное достоинство разныхъ изводовъ житія. Наконецъ, въ-4-хъ, „и съ чисто логической стороны изъ разсмотрѣнія разныхъ вариантовъ легенды никакъ нельзя вывести заключенія, что въ первоначальномъ видѣ

¹⁾ Нѣкоторые варианты житій, именно краткое синаксарное и странное житіе позднѣйшей редакціи (у болландистовъ и въ греческихъ минеяхъ), представляютъ дѣло такъ, что Еверій достигъ Херсона, но, увидѣвъ дикость и непослушаніе народа, отправился въ царю Константину, который вооруженной рукой изгналъ изъ города идолопоклонниковъ и поселилъ людей благочестивыхъ. Святой же Еверій, возвращаясь изъ Константинополя (послѣ перваго или втораго путешествія туда), окончивъ жизнь въ устьѣ Двѣпра, отъ болѣзни или потопленный невѣрными.

она представляетъ простую *выдумку*, не имѣющую подъ собою никакого реального основанія“ (78—79). Точно также и г. Шестаковъ оспариваетъ утвержденіе д-ра Франка о полной выдуманности херсонской легенды, источникомъ которой онъ признаетъ мѣстное преданіе. За это, по мнѣнію г. Шестакова, говорятъ топографическія черты въ древнѣйшей редакціи сказанія (13. 17. 18) и тѣ свѣдѣнія, какими мы располагаемъ относительно распространенія христіанства по берегамъ Чернаго моря и сношеній Іерусалима съ сѣвернымъ берегомъ его (13. 20).

Но если г. Франкъ не оцѣнилъ надлежащимъ образомъ сравнительныхъ достоинствъ разныхъ изводовъ житій и даже не доискался до древнѣйшаго, то г. Латышевъ переоцѣнилъ значеніе послѣдняго, т. е. Супрасльской редакціи. Если первый совѣтъ отвергъ фактическое содержаніе въ сказаніяхъ о херсонскихъ мученикахъ, то послѣдній готовъ принять *bona fide* рассказъ первоначальной редакціи, до насъ не дошедшей и относимой имъ къ VII в. Но, не говоря уже о томъ, что историческую достовѣрность ея легче было бы доказать, отнесши ея происхожденіе къ V вѣку, какъ дѣлаетъ г. Франко,—въ ней столько несообразностей, анахронизмовъ, противорѣчій, что отстаивать ее цѣликомъ—дѣло довольно безнадежное. Трудно защитить даже основной фактъ, проходящій чрезъ всѣ редакціи и, казалось бы, потому уже безспорный,—фактъ посланки первыхъ миссіонеровъ въ Херсонъ іерусалимскимъ епископомъ Ермономъ въ 16-й годъ царствованія Діоклетіана. Не смотря на то, что и самому В. В. Латышеву онъ „на первый взглядъ представляется весьма страннымъ, чтобы не сказать загадочнымъ“,—ислѣдователь его принимаетъ и всячески подкрѣпляетъ—и самоотверженнымъ характеромъ еп. Ермона, готоваго положить душу свою за паству Христову (но при такомъ настроеніи святителя естественнѣе было ему самому отправиться на проповѣдь въ угрожаемый гоненіемъ мѣста, чѣмъ посылать другихъ миссіонеровъ), и сравнительнымъ спокойствіемъ въ Палестинѣ, когда на остальномъ пространствѣ имперіи свирѣпѣли преслѣдованія. „При такихъ обстоятельствахъ, когда христіане въ самой Палестинѣ могли жить сравнительно спокойно¹⁾, тогда какъ изъ другихъ странъ до нихъ, безъ

¹⁾ По Евсевію Кесарійскому, въ 303 г. во всей Палестинѣ было не болѣе четырехъ мучениковъ.

сомнѣнія, доходили вѣсти о жестокихъ гоненіяхъ на христіанъ и усиленіи „эллинизма“, Ермонъ Іерусалимскій, если онъ дѣйствительно отличался такою энергіею и ревностью къ вѣрѣ Христовой, какъ рисуетъ вышеприведенная характеристика ¹⁾, естественно могъ возымѣть благую мысль избрать изъ окружающей среды наиболѣе надежныхъ и твердыхъ въ вѣрѣ лицъ и, посвятивъ ихъ въ епископы, разослать въ качествѣ миссіонеровъ въ тѣ страны, гдѣ христіанство подвергалось особенно сильной опасности отъ гонителей“ (36—37). Какъ видимъ, въ доказательствахъ г. Латышева фактовъ нѣтъ, а есть одни предположенія, сами нуждающіяся въ подтвержденіяхъ. И психологически и логически нельзя допустить, чтобы изъ мѣстъ, менѣе затронутыхъ гоненіемъ, посылались миссіонеры въ мѣста, всего болѣе страдавшія отъ него, для проповѣди Христова ученія, т. е. для еще большаго возбужденія языческой злобы и ненависти. Естественно же допустить уклоненіе отъ гоненій, какъ это сдѣлалъ св. Кипріанъ кареагенскій. По показанію древнѣйшаго житія, принимаемому г. Латышевымъ, Ермонъ іерусалимскій первоначально послалъ пятерыхъ епископовъ—Ефрема, Василея, Евсенія, Елпидія и Агаѳодора на сѣверо-западъ Малой Азіи, гдѣ находилась столица Діоклетіана, и уже отсюда первые двое отдѣлились и отправились въ „страны Тавроскискія“ (37). Но какъ ни бушевало здѣсь гоненіе, посылать сюда миссіонеровъ и притомъ въ званіи епископовъ нельзя было никому со стороны, потому что здѣсь давно уже было утверждено христіанство (припомнимъ свидѣтельство Плинія Младшаго) и существовала своя іерархія. Еще страннѣе думать, что іерусалимскій епископъ въ началѣ IV в. могъ посылать епископовъ въ качествѣ миссіонеровъ въ еще болѣе отдаленную Тавро-Скиюю. „Это ровно столько же вѣроятно, говоритъ въ своемъ цитованномъ выше этюдѣ Е. Е. Голубинскій, сколько было бы вѣроятно, будто у насъ епископъ Волынскій или Екатеринославскій принялъ на себя дѣло водворенія христіанства между язычниками Архангельской губерніи или какой-нибудь части Сибири. При семъ и епископы-миссіонеры или епископы безкаедральные, своего рода *in partibus infidelium*, представляютъ собою для IV в. и ближайшаго къ нему времени

¹⁾ Она взята г. Латышевымъ изъ древнѣйшихъ редакцій житія.

нѣчто весьма и крайне сомнительное“. Можно даже сказать, что посылка миссіонеровъ-епископовъ изъ Іерусалима въ Крымъ много менѣе вѣроятна, чѣмъ заботы какихъ-либо южно- или западно-русскихъ епископовъ о миссіи въ Сибири. При слабомъ развитіи церковной жизни въ Сибири въ XVIII—XIX ст. комплектъ тамошнихъ миссіонеровъ все время пополнялся проповѣдниками изъ Европейской Россіи и особенно изъ юго-западнаго ея края. Во всякомъ случаѣ, простой по своему сану и положенію іерусалимскій епископъ въ началѣ IV в. не могъ ставить и посылать цѣлыми партиями епископовъ въ чужія страны для проповѣди христіанства.

Академикъ Голубинскій, какъ и г. Франко, считаетъ этотъ разсказъ легендарнымъ и, подобно ему, созданіе легенды объясняетъ тенденціей,—желаніемъ херсонскихъ христіанъ окружить особой славой насажденіе христіанства въ Крыму и тѣмъ придать особый блескъ и привилегіи своей епархіи. Но, по неправдоподобной догадкѣ г. Голубинскаго, на іерусалимскомъ епископѣ остановились потому, что нельзя было приписать честь насажденія христіанства ни александрійскому епископу, который жилъ далеко за моремъ, ни антиохійскому, который въ началѣ IV в. былъ безвѣстенъ. Но и іерусалимскій епископъ того времени жилъ не близко и тоже ничѣмъ не прославился... Впрочемъ, акад. Голубинскій не отрицаетъ совсѣмъ исторической достовѣрности сказанія. Онъ полагаетъ, что въ Херсонѣ жили и дѣйствовали въ качествѣ проповѣдниковъ христіанства епископы, но только другимъ путемъ туда попавшіе. Со второй половины II вѣка Тавридой, говоритъ онъ, владѣли готы. Вотъ они, совершая свои набѣги на южные берега Чернаго моря, выводили оттуда плѣнныхъ христіанъ, а съ ними и епископовъ, которые и сдѣлались невольными миссіонерами. Но и это догадка только. Конечно, были пути для занесенія христіанства въ Крымъ и въ первые три столѣтія христіанской эры, благодаря особенно включенію его въ сферу римскаго вліянія; возможно, что христіанство проповѣдывалось на Таврическомъ полуостровѣ, въ частности въ Херсонѣ, какими нибудь епископами. Но оттуда они сюда прибыли, какъ назывались, съ какимъ успѣхомъ дѣйствовали и съ какого именно времени учреждена херсонская епархія, — все это и теперь покрыто мракомъ неизвѣстности. Изслѣдованіе В. В.

Латышева хотя и расчистило путь для рѣшенія этихъ вопросовъ, но не является самымъ рѣшеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ. По нему первоначальная редакція того сказанія, древнѣйшими списками котораго являются греческій текстъ № 376 и славянскій переводъ Супрасльскаго минея, явилась только въ VII ст. Но сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, когда по этому сказанію разыгрались событія въ Херсонѣ! Сколько превращеній долженъ былъ претерпѣть тотъ устный рассказъ, который послужилъ основой сказанія, если искаженіямъ и передѣлкамъ позднѣе подвергалась и запись! „Ѳеоновка“ съ храмомъ св. Петра, колонна св. Василія, „Святія“ и „Мертвыя ворота“ и другія топографическія указанія,—все это даетъ видѣть, что рассказъ долженъ быть приуроченъ къ опредѣленному мѣсту, но не къ опредѣленному времени. Монументальные памятники, о которыхъ мы упоминали въ началѣ статьи, уполномочиваютъ относить насажденіе христіанства въ Херсонѣ ко времени не раньше IV вѣка и столько же къ концу его, сколько и къ началу. И не невозможно, что первымъ епископомъ херсонскимъ былъ Евсерій, тотъ самый, что имя значится въ спискахъ членовъ 2-го вселенскаго собора (381). Тогда для насъ стала бы понятна одна подробность въ Супрасльскомъ минеѣ, по которой имп. Константину в. приписывается по дошедшимъ до Херсона слухамъ указъ противъ язычниковъ,—о преслѣдованіи тѣхъ, кто не исповѣдуетъ Отца, Сына и Св. Духа, а также изгнаніе идолопоклонниковъ изъ Херсона по жалобѣ Евсерія. Само собой разумѣется, что такой указъ и такое распоряженіе могли быть дѣломъ скорѣе Ѳеодосія вел., чѣмъ Константина. Ко времени Ѳеодосія вел. рядъ списковъ житія и относить дѣятельность послѣдняго изъ семи мнимыхъ священномучениковъ херсонскихъ ¹⁾). Наконецъ къ его времени легче приурочить и появленіе въ Херсонѣ римскаго вооруженнаго отряда: извѣстно, что въ дѣлѣ возобновленія херсонскихъ укрѣпленій въ царствованіе Ѳеодосія „много потрудился“ трибунъ имперской арміи Флавій Витъ ²⁾).

¹⁾ См. у г. Фраука стр. 158 и прим., въ которомъ онъ заявляетъ, что редакція сказанія, относящая Капитона ко временамъ Ѳеодосія вел.,—позднѣйшаго происхожденія, и отмѣчаетъ догадку одного ученаго (Бікертитъ-Віркаса), что было два Капитона,—одинъ современникъ Константина, другой—Ѳеодосія.

²⁾ „Прошлое Тавриды“, 55. „О началѣ христіанства въ Херсонѣ“, 17—18.

С. П. Шестаковъ, полемизируя съ г. Франкомъ и отстаивая въ херсонской легендѣ „отголосокъ дѣйствительныхъ событій“, относитъ послѣднія къ первымъ годамъ IV ст. Считая Эверія, участника II вселенскаго собора, вторымъ херсонскимъ епископомъ съ этимъ именемъ, г. Шестаковъ дѣлаетъ изъ этого факта тотъ выводъ, какой сдѣлать Ю. А. Кулаковскій касательно христіанства въ Восторѣ¹⁾: „Существованіе епископа, и притомъ такого, который былъ призванъ на вселенскій соборъ, позволяетъ сдѣлать предположеніе, если не о преобладаніи христіанства въ средѣ мѣстнаго населенія, то во всякомъ случаѣ о томъ, что христіанство было въ ту пору терпимою религіей и имѣло тамъ болѣе или менѣе значительное распространеніе“. И этотъ выводъ г. Шестаковъ утверждаетъ соображеніемъ, что на достиженіе христіанской общиной этого прочнаго положенія понадобилось два поколѣнія, какія легко могли пойти на борьбу съ язычествомъ и еврействомъ, что приводитъ опять-таки къ началу IV вѣка (20, 21). На это можно возразить тѣмъ, что иногда вѣра христіанская утверждалась прочно первыми ея проповѣдниками въ извѣстной мѣстности и что на вселенскіе соборы приглашались всѣ епископы, а не старѣйшіе только или титулованные...

Свою вѣру въ данныя сказанія о семи херсонскихъ священно-мученикахъ гг. Латышевъ и Шестяковъ подкрѣпляютъ ссылками на археологическія находки. Въ сказаніи говорится о храмѣ св. Петра, построенномъ св. Капитономъ и примыкавшемъ къ имъ же устроенной крещальнѣ. Послѣднюю В. В. Латышевъ видитъ въ зданіи, открытомъ въ 1876 г. къ югу отъ Уваровской базилики, а слѣды самаго храма онъ усматриваетъ въ остаткахъ той базилики, которая была открыта въ 1901 г. къ югу отъ крещальни. Къ этому же храму онъ относитъ два обломка мраморныхъ плитъ отъ храмовой преграды съ изображеніемъ событій изъ жизни ап. Петра и съ соотвѣтствующими надписями (54—56). Но не говоря уже о томъ, что не датированные монументальные памятники легко могутъ давать поводъ къ ошибкамъ во сто и болѣе лѣтъ²⁾, — въ данномъ

¹⁾ „Керченская христіанская катакомба 491 г. (Матеріалы по археологіи Россіи, № 6, Спб. 1891)“. 28.

²⁾ См. примѣръ разногласія между учеными въ опредѣленіи времени постройки храма внѣ стѣнъ города, открытаго въ 1902 г. (стр. 25—26). Датированные христіанскіе памятники въ Херсонѣ не восходятъ далѣе начала VI в. („Прошлое Тавриды“, 50).

случаѣ и самъ г. Латышевъ даетъ своей мысли предположительный характеръ. С. П. Шестаковъ не связываетъ ни баптистерія, ни храма съ опредѣленными именами, но относитъ первый къ концу IV вѣка (въ каналѣ, чрезъ который выпускалась вода изъ купели, найдены монеты, начиная съ Валентиніана I, (364—375) и къ болѣе древнему времени ту базилику, на развалинахъ коей построена крещальня (24. 25).

Итакъ, и послѣ тщательной и отличающейся большой эрудиціей и тонкимъ анализомъ работы В. В. Латышева и вдумчивыхъ соображеній С. П. Шестакова первой достовѣрной датой исторіи христіанской церкви въ Херсонѣ является не 302 и даже не 325 годъ, а попрежнему — 381-й. Мало того. Нужно признать, что и съ этого времени успѣхи христіанства въ Херсонѣ не были блестящими. Въ теченіе еще нѣсколькихъ столѣтій отсюда шли не особенно утѣшительныя свѣдѣнія о нравственномъ состояніи жителей. Сосланный туда въ 654 г. папа Мартинъ называетъ населеніе города языческимъ или обратившимся въ язычество и жаловался на его дикіе нравы. Епифаній, редакторъ обработки сказанія о путешествіи ап. Андрея по сѣвернымъ странамъ, жившій въ концѣ VIII или началѣ IX в., выразился о херсонессцахъ: „народъ коварный и до нынѣшняго времени тугъ на вѣру, лгуны и поддаются влеченію всякаго вѣтра“ ¹⁾. Правда этотъ невысокій нравственный уровень легко объясняется историческими судьбами города и близкимъ въ продолженіе долгаго времени сосѣдствомъ хазаръ ²⁾.

Хотя вопросъ о началѣ христіанства въ Херсонѣ все еще не рѣшенъ, нельзя не привѣтствовать указанныхъ попытокъ къ его рѣшенію, тѣмъ болѣе, что онѣ идутъ со стороны представителей свѣтской науки. Нельзя также не отмѣтить, что большинство послѣднихъ, видимо, болѣе вѣрится въ достовѣрность легенды о херсонскихъ мученикахъ (Ю. А. Кулаковскій ³⁾, В. В. Латышевъ, С. П. Шестаковъ), чѣмъ представители духовной науки (Е. Е. Голубинскій)...

К. Харламовичъ.

¹⁾ „Прошлое Тавриды“, 64—71.

²⁾ Ibid. 75. Объ историческихъ судьбахъ города въ IV и дальнѣйшихъ вѣкахъ см. тамъ же, стр. 55 и далѣе.

³⁾ Проф. Кулаковскій вѣрится также въ проповѣдь въ Херсонѣ ап. Андрея и еп. Климента римскаго (50).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки